

18+

БОРИС ИВАНОВ

В дымке сосен

Борис Иванов
В дымке сосен

«Издательские решения»

Иванов Б.

В дымке сосен / Б. Иванов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508768-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Стихи Бориса Иванова, как хороший калейдоскоп, складываются из самого разного, но всегда цветного материала. Его поэзия — это совершенно искреннее состояние, далекое от интеллектуальных или декоративных усилий. Такие поэты приручают и одомашнивают любую банальность: фольклорную или литературную. Эти стертые текстовые монетки вдруг начинают казаться вам приметам хорошо и правильно обжитого небольшого поэтического мира... свою поэтическую жизнь он обжил как хотел. Павел Толстогузов

ISBN 978-5-00-508768-3

© Иванов Б.

© Издательские решения

Содержание

Жил-был Иванов...	7
Памяти товарища	7
Поэзия голомузой головы	9
ИСТОКИ	11
АЛГАЧ	11
Ода реке Урми	12
Диалог с родными сосёнками	13
Ели на площади	14
О ТВОРЧЕСТВЕ	16
В. Антонову	16
Барды	17
Визит музы	18
Мастерам	20
О мыслях	21
От меня	22
Поём	23
Песня поэтам	24
Пробуждение	25
Цензура	26
О ЛЮБВИ	28
Тост от Бориса Иванова (ЭТОГО)	28
Весна по-моему	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

В дымке сосен

Борис Иванов

Редактор Виталий Николаевич Бурик

© Борис Иванов, 2020

ISBN 978-5-0050-8768-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жил-был Иванов...

Памяти товарища

Биробиджанская звезда – 15 (17011) 02.03.2012

В весёлые новогодние праздники, 3-го января 2012 года, неожиданно-негаданно пришло известие – умер Борис Иванов. Это прозвучало совершенно странно: с Борькой такого не могло случиться! Шумный, весёлый, остроумный... Такой не может лежать тихо, без дела.

Самобытный, яркий и едкий его юмор всем, кто его знал, всегда был по сердцу. По какому бы поводу Борис не отпустил солёную шуточку (подчас и с «физиологическим» оттенком), никогда ни у кого это не вызывало неприятия. Мужики хохотали, хлопая себя по коленке, женщины тоже смеялись, слегка зардевшись.

Напористый, неутомимый, фонтанирующий почти дикими в своей неукротимости творческими идеями, он всё же совершенно не был навязчив, не стремился доминировать ни в какой компании.

Последний год, казалось бы, негибимое тело Бориса одолел неожиданный недуг. Вскоре ему стало тяжело носить себя – подпёрся палкой и продолжал ходить по прежним маршрутам, любя встретить в городе кого знакомого. По-прежнему балагурил, дома вырезал из дерева забавные деревянные ложки со своими изречениями-назиданиями, складывал едкие эпиграммы и скидывал знакомым по Интернету – «окно» по имени Windows вдруг стало важным окном в мир.

Борис не мог читать стихи слушателям сидя. Никогда такого с ним не случилось. Он просил почтения у публики за палку, за «не картинную позу» и всё же поднимался со стула и читал. Несколько раз – неожиданную лирику, что-то совершенно личное, не чужое ни для кого по чувству.

«Борис, что же ты это прятал?» – возмущались мы – его «профессиональные» слушатели. А он, видимо, робел от собственной такой храбрости и всё переводил в шутку: «Да ладно! – махал рукой. – Что я вам – поэт какой? Сейчас я вам повеселей прочту»...

Казалось, такой жизнелюб выкарабкается из любой передрыги. Наверное, мы в это верили больше него. Наверное, мы так его достаточно и не узнали. Перечитав запечатанные в недра компьютера Борисовы вирши, я только убедился в этом.

От Сивки до Пегаса,

или Как рождается фольклор

Как-то в дни Славянского фестиваля в областной научной библиотеке открылась книжная выставка, посвященная пословицам и поговоркам – самой лаконичной и остроумной части русского фольклора. Но если есть фольклорные произведения, то есть и те, кто их порождает.

Герой, о котором ниже пойдёт речь, меры по спасению родника народного творчества всегда принимал личного и конкретного характера.

Речь о Борисе Иванове – самодеятельном стихотворце, авторе колких афоризмов и резчике по дереву, а по трудовой книжке – снабженце одного из строительных предприятий Биробиджана.

Вы употребляете в своей речи пословицы и поговорки? Наверное, без них не обойтись. Это в старинной сказке у В. Одоевского благовоспитанный мальчик из дворянской семьи уверенно поучал мальчика-колокольчика: «А папенька говорил, что поговорки – это дурной тон». И рядовой колокольчик в сложном механизме королевства музыкальной шкатулки вынужден был прикусить язычок. Что поделать? Язык, его строй, его богатство или бедность вкупе

с используемым словарём с головой выдают человека, его происхождение, его строй мыслей, характер, наконец.

Этим, может быть, немного длинноватым вступлением я считаю обязательным предварить разбор принесённой в редакцию рукописи Бориса Иванова (Этого). (Псевдоним у человека такой: Ивановых много, а он – не тот, о котором вы знаете, а Этот – совсем другой).

Рукопись заведомо непечатна. В смысле не в газетном «формате» такие творения: к высокой литературе не присоседишь, к новостям дня ежедневно рождающиеся иваново-этотские мысли не пристроишь. По форме опять-таки неувязочка выходит: вроде гольный фольклор, но... авторский. Автор – вот он, сидит, лыбится, а сам задумал: «Или одолею, или околею».

Ну вот вам и первый перл (то бишь жемчужина) иваново-этотского творчества. По моему, не слабее знаменитого «или грудь в крестах, или голова в кустах». Всё тут ясно без всяких аллегорий или интеллигентско-вежливых околичностей.

Чтобы сказать не в бровь, а в глаз, надобно отваги не на кружку браги и иметь тело борца и мозг мудреца. Это и есть инстинкт выживания умнейших. Иванов, как и положено обладателю сей гордой фамилии, широк во лбу и в плечах, крепок в руках и ногах. Свою самостоятельную философию рождает не в книжной пыли, а в древесно-стружечной: руками и головой работает одновременно – в руках нож да деревянная ложка, а перед взором – книга Пушкина с пометками по делу.

И если Пушкин смог обойтись без Иванова, Иванову без Пушкина – никак: один альфа, другой – омега русской словесности, а без одной даже буквы алфавит не выстраивается, живая речь не звучит. А тут звучит во весь голос. Хоть Господу Богу выкричит Иванов, что на душе накипело:

Я с Богом говорю на «ты», И знаю – он не комплексует... Он предок мой, я – внук его, Он здравствует, а я хвораю. Вот, спрашиваю, для чего Пытать меня В дороге к раю?

Некорректно по отношению к чьим-то религиозным чувствам? А почему, собственно? Всевышний, в отличие от вышестоящих, в своём долготерпении спокойно переносит обращение на «ты», по-отечески. Откровенность – за откровенность. Богу Иванов не стесняется выложить всё начистоту:

Как православный христианин, Бывает, искренне молюсь, Когда болею или ранен. И сам себе тогда дивлюсь. Уж как приспичит – Все мы кротки, И крест на организм ложа, Хулой не оскверняем глотки, За свой живот, За жизнь дрожа.

«Без грамматической ошибки я русской речи не люблю», – смело сказал Пушкин. Великий поэт имел на это право – ему и простили. Иванов же (Этот) со словом борется и братается не по званию, а по призванию: душа просит, но не прощает чужой умонахрапистости. А иваново-этотские стишки не просто рифмы – поэзия изнутри!

Корявый язык у Бориса Иванова только в стихах, а мысли и слова в беседе всегда прямы. Ткни ему пальцем в корявость иных строк, он согласится спокойно: «Мы филологий не изучали». И выстроит тебе концовочку своих вольнодумных виршей шекспировской строкой:

...Но всё ж средь прочей суеты Мы с Богом говорим на «ты». Один – земной, другой – Всевышний. Возможно, оба мы – нелишни.

Иванов верит в гармонию человеческого. А как в неё не верить, если само имя его – плод такой гармонии: Борис – корень славянский, а Иванов – еврейский. (Помните ли, что «самое русское имя» еврейского происхождения и означает «хранимый Богом»?) Крепок корень такого мужика. Такому веришь. Верится даже в то, что Борису Иванову ведом секрет достижения гармонии в нашем многоликом, многоверном обществе, когда Иванов обращается в мир: «Шолом алейкум, люди!»

**Виктор АНТОНОВ, член Союза журналистов России.
Борис Иванов (ЭТОТ)**

Поэзия голомузой головы

Поэзия Бориса Иванова разная. Главное в ней, как мне представляется – полеты во сне и наяву над своей детской родиной: «Уже лечу я над тайгой, / Над марями в цветах залитых. / Босою трогаю ногой / Туман, меж сопками повитый» (здесь, скорее, сопки должны быть повиты туманом, но грамматическая и смысловая инфантильность не только не портит тексты Иванова – она является их законной стилистикой).

Стихи Бориса Иванова, как хороший калейдоскоп, складываются из самого разного, но всегда цветного материала. Наивность его классических, каких-то комаровских олицетворений сменяется явлением характерного русского «бедного гения», который «в голове застучался» (Балдёнков-Чижиков), а он – ироничной шансонной эротикой, а она – несколько оберихутовской «весной, набухшей из штанов», а та – несколько разухабистой игрой ума в его «этотских мыслях». И т. д.

Его поэзия – это совершенно искреннее состояние, далекое от интеллектуальных или декоративных усилий. Она появляется, «когда душа возьмется напевать, а мозг неудержимо клокотать». Это именно что поэтический ген, который действует с той же непреложностью, что и мужская хромосома: «Я родом мальчик и могу / В том расписаться на снегу».

Поэзия «голомузой головы», как он однажды загадочно выразился.

Такие поэты приручают и одомашнивают любую банальность: фольклорную или литературную. «Васильковые очи» или «ночи любви» какие-нибудь. Эти стертые текстовые монетки вдруг начинают казаться вам приметами хорошо и правильно обжитого небольшого поэтического мира.

Например, Пегас у Бориса Иванова, как и положено, вдохновенный и быстрокрылый. Но честные интонации его поэзии рождают другой образ:

я почему-то представляю себе нашего поэта, глядящего по морде старую усталую лошадь, рядом с которой он прожил многие годы, и говорящего: ну что, Пегасушка, еще поживем-побредем...

Не знаю, как свою обычную жизнь, а свою поэтическую жизнь он обжил как хотел. В ней у него все на своем месте, хотя посторонний взгляд может увидеть в такой обжитости вопиющий беспорядок.

Ну и пусть увидит. Он же посторонний.

*Павел Толстогузов
доктор филологических наук,
профессор ПГУ им. Шолом-Алейхема*

ИСТОКИ

АЛГАЧ

Мне родина моя Алгач
Ночами снится в дымке сосен.
И память юности, как плач,
Мне облегчает жизни осень.

Стою мальчишкой на скале,
Передо мной в разливе Зeya.
И я расту на той земле,
С восторгом на простор глаза.

Уже лечу я над тайгой,
Над марями, в цветах залитых.
Босою трогаю ногой
Туман, меж сопками повитый.

Там всё прекрасно, всё к добру.
Там жить хочу и, извините,
Когда я всё-таки помру,
На родине похороните.

Ода реке Урми

Речка норовистая на диво —
Не запри её и не уйми,
Но в объятья стужи угодила
Все же своенравная Урми.

Не вчера ли пела и резвилась,
И, смеясь, неслась за поворот?
Но зима, как надо, изловчилась
И потоки обратила в лед

Не беда, что плоть заледенела,
Ни к чему печальная слеза,
Что уснувшее речное тело
В глубине ласкают харюза.

Что поделаешь, законы у природы
Таковы, что их не упрекнуть,
В сне порой нуждаются и воды,
Всем полезно в мире отдохнуть.

Но лишь только тёплый луч коснётся
Савана заботливой зимы,
Потечёт, взбурлится и проснётся
Жизнь таёжной девственной Урми.

Я ее нисколько не ревную
К птицам, травам, звёздам, харюзам.
Обожаю красоту земную,
Что дарована моим глазам!

Диалог с родными сосёнками

Сосёнки иглокожие,
На Родину похожие,
Стоят переливаются,
Никак не догадаются,
Что выпил я по дурости
И мне до всякой хмурости
Плывать чистосердечно,
И пьяный я беспечно,
И счастлив бесконечно.

Тростиночки, щетиночки,
Зелёные хвоиночки,
Обнял бы я вас с жару,
Расцеловал подряд,
Да только перегару
Не всякий милый рад.

Ели на площади

Подневольная Ель голубая
Прилетела на Дальний Восток.
Среди площади, словно нагая,
Отбывает пожизненный срок.

Все любят её будто на диво:
Посмотрите-ка, Ель с сединой.
Это ей, одинокой, тоскливо
По Карелии, сердцу родной.

Мимо Ели проходят парады,
Перед ней фейерверки трещат.
Ей же нет долгожданной награды —
Видеть солнца прощальный закат.

Каждый день, провожая светило,
Отраженное в слёзной смоле,
Ель его неизменно просила
Поклониться родимой земле.

Постепенно она вырастает,
И всё чаще ей снится во сне,
Как, ветвями взмахнув, улетает,
Вслед за солнцем по этой весне.

О ТВОРЧЕСТВЕ

В. Антонову

Ну что сказать тебе на ЭТО...
Умеешь ты переводить.
И даже мёртвым угодить,
Что очень лестно для поэта.

Что знаешь ты язык иной,
И в совершенстве им владеешь,
Оценено изрядно мной.
К тому же стиль менять умеешь.

Когда помру не забывай
Перевести меня на идиш.
Сейчас как хочешь обзывай,
А что потом сказать, – увидишь.

Барды

Нам бардам-бастардам нельзя без людей,
На людях и смерть наша краше.
Ведь люди питают нас массой идей:
Они вдохновители наши.

Вольготно живётся – поём о любви,
Такая уж наша порода.
А в трудное время душой не криви,
Но вырази мысли народа.

Гонимые властью во все времена,
Мы живы и жить ещё будем.
Насколько больна и здорова страна,
По бардам и песням их судят.

Споёмте, друзья, в нашем вольном кругу,
Услышат не только нас стены.
Пред Родиной нашей мы в вечном долгу,
Что мало играем со сцены.

Визит музы

Меня сегодня муза посетила,
Тайком вошла, у изголовья встала,
По волосам легонько потрепала,
– Ну как живёшь, отшельник мой? – спросила.

– Зачем меня вчера капризно ждал,
И образ видел мой на доньшке стакана?
Ты, верно, женщину, глупыш, желал,
Её обожествляя с полупьяна.

Зачем потуги делать и писать,
Когда не знаешь сам, о чем сказать?...

Лишь тот момент, когда не можешь спать,
Когда душа возьмётся напевать,
А мозг неудержимо клочкотать,
Способен Новый яркий стих создать.

Мастерам

Рожденья таинство присуще матерям,
А воспитание – природе и народу.
Но будь то сказано природе не в угоду,
Оно дано и мастерам.

Руками детище своё создать,
Вдохнуть в него прекрасного движенье —
Такое рукотворное рожденье,
Что может поколенья воспитать,
Не всякая осуществить способна мать.

О МЫСЛЯХ

Почему голова пустая,
Словно нет в ней живой коры?
Может мысли мои, сгорая,
Тлеют медленно до поры?

Покрывая горячим прахом,
Что не может пока пылать,
Чтоб потом невзначай размахом
Новой яркою мыслью стать?

От меня

Вы все служители Парнаса,
Биробиджанские творцы,
Спецы от Бога без прикраса
И просто люди – молодцы.

Желаю, кистей не жалея,
Нести прекрасное в народ.
И чтобы эта галерея,
Цвела, росла из года в год!

Поём

Раз поют соловьи,
Значит, хочется петь.
Даже в пору любви
Тешит горло медведь.

Это общий гипноз,
Биотоки сердец.
Это вечный вопрос:
Кто ты есть, наконец?

И я тоже пою,
Чтоб осмыслить, как жить,
Чтобы душу мою
Каждый мог уловить.

Чтобы знала планета,
Что я жив или жил.
Чтобы знали поэта,
Чтоб никто не забыл.

Песня поэтам

У непризнанных поэтов
Нет своих кабриолетов,
Нет ни яхты, ни машины,
Ни верблюда, ни осла.
Только есть живые мысли,
Романтичные по смыслу
И текущие из сердца
Задумчивые слова.

По земле они ступают,
Всё вплотную замечают,
Понадбив себе мозоли
На подошвы и глаза,
По ночам не засыпают
И задумчиво мечтают
Улететь в края иные,
Где нет корысти и зла.

Только жаль при всем при этом,
Что мечтающим поэтам
Ждать приходится ночами:
Ведь от Бога есть указ,
Что всего один по свету
Бескорыстному поэту
Предназначен дар небесный —
Вдохновенный конь Пегас.

Конь крылатый, конь крылатый,
Не проси особой платы,
Прилетай ко мне до света.
По душам поговорим,
Полетаем над землёю
И, наверное, с тобою
Сотни песен и сонетов
До утра мы сотворим.

У непризнанных поэтов
Нет своих кабриолетов.
Ничего им и не надо
Из того, что тешит глаз.
Для них высшая награда,
Чтоб всегда был с ними рядом
Неразлучный, быстрокрылый
Вдохновенный конь Пегас.

Пробуждение

Давно меня не прорывало,
Давно стихи я не писал,
Возможно, попросту устал,
А может, даже толку мало
Вести рифмованный дневник
Однообразной жизни серой.
Вот так я постепенно сник
И забывать все стал без меры.

Но нынче день такой хороший,
Так живо светится при мне
Цветущих яблонек пороша,
Что я проснулся по весне.

Тоска-хандра куда-то делась,
И жить по-новой захотелось.

Цензура

Я сталкиваюсь иногда с цензурой,
Отдав на суд свои труды.
Потом трудов моих плоды
Мне отдают со снятой шкурой.
Как быть, как тут не матерится?
Как справедливости добиться?
Увы, поэтам всех веков
Вердикт был вынесен таков:
«Ваш цензор, дорогой Приятель, —
Народ и грамотный читатель.
А свой родной народ, друзья,
Милей, чем цензор и судья.

О ЛЮБВИ

Тост от Бориса Иванова (ЭТОГО)

Восьмое марта – день на диво.
В нем все прелестно и красиво.
Справляется не первый год,
И мир честной жует и пьет.
С подобострашьем кавалеры
Целуют дам, звенят фужеры,
Дарят избранницам духи,
Читают страстные стихи
И груди гнут, как петухи.

Но лишь приходит поздний вечер,
Смолкает гам и гаснут свечи,
И кавалеры от вина
Не могут больше ни хрена.

Так вот мой тост упрям и прям:
Я пью за ночь прекрасных дам,
Чтоб спали все в своей постели
Ни с кем судьба, а с кем хотели,
Чтоб Вас мужик боготворил,
До края удовлетворил.
И из любовного азарта
Еще желал восьмого марта.
Чтоб в протяжении всей ночи
Старался милый, что есть мочи,
А утром, словно верный пес,
В постель шампанское принес.

Я пью за праздничную ночь —
За ночь любви всего народа,
Чтоб каждый мог хотеть и мочь,
Все то, что нам дала природа,
Чтоб праздник этот сквозь года
Был праздник женщины всегда!

Весна по-моему

Куда деваться от весны?
Она зовет меня с пелёнок.
И эротические сны

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.